

КОЛОБКИ СВЯТОГО АНТОНИЯ

Сергей Александрович Макаров – поэт, резидент и организатор культурного проекта «Другая Среда». Лауреат литературной премии «Чаша бытия», лауреат областной литературной премии имени С.Т. Аксакова, финалист литературной премии им. П.И. Рычкова. Публиковался в сборнике стихотворений «История Вдохновения» проекта «Другая Среда», культурной газете «Колумнист», журналах «Гостинный Дворъ», «Бельские просторы». Неоднократный участник и лауреат Всероссийского семинара-совещания «Мы выросли в России». Автор двух поэтических книг и антиутопического рассказа «Боги изумрудного города», изданного в серии «Новые Имена» издательства МВГ. Член Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

Леший проснулся от боли в ухе, стряхнул с себя лесную подстилку и свирепо осмотрелся. Рядом никого не было. Где-то справа трещали кусты, пропускающая крупного зверя.

– Меня будить? – пророкотал Леший. Поднялся и уже почти припустил в погоню, чтобы пообломать рога неаккуратному лосю или медведю, но тут в него врезался заяц. Леший схватил косога за уши и поднял над землёй.

– Ты чего, дурень, ослеп? – грозно спросил Леший.

– Сам ты дурень! – пытаюсь вырваться, проверещал заяц. – Пусти, пень трухлявый, некогда мне с тобой тут! Пусти, говорю, пока я тебя в опилки не изгрыз.

Леший удивлённо цокнул. А ушастый извернулся и попытался цапнуть узловатую руку. Такого лютого зайца Леший видел в первый раз. Глаза красные, морда злющая, лапами сучит, верещит, слюной во все стороны брызжет.

— И чего у тебя за дела?

— Важные дела! Сыроежка ты ядовитая! Волка на ремни пу-
скасть иду!

— Волка?

— Волка!

— На ремни?

— На ремни!

— Ну иди.

Леший разжал пальцы. Заяц брякнулся на землю, подскочил и опрометью бросился в гущу леса. Бешеный, что ли? Леший решил, что волка нужно бы предупредить. Хозяину леса найти зверя в своих владениях — задача плёвая, чует он их. Пока шёл к волку, заметил Леший, что неладно в лесу. Повсюду звуки странные: вой, гогот, стоны. Неужто заяц таких дел натворил? А потом нашёл волка. И медведя заодно.

Серый и косолапый кружились в поединке. Волк поджимал заднюю левую лапу, медведь припадал на правую переднюю. Волк прыгнул, вцепился медведю в плечо. Косолапый отмахнулся, и серая тушка, отлетев, гулко ударила в сухой еловый ствол. Леший гикнул, осаживая разъярённого зверя. Но медведь гиканье проигнорировал, намереваясь добить поверженного врага. Пришлось хватать его за глотку и бить морду. С третьего удара дурь из бурого вышла, он заскулил и сел на мохнатую задницу.

— Чего вы устроили тут?

— А чего он? — плачущим рёвом ответил медведь. — Ну съел я его лося пятого дня, ну и

что? А как всей стаей у меня добычу отнимать? Так можно, что ли, было?

— Так это ж, как его? Круг жизни, Миша, — Леший озадаченно почесал ветвистую голову.

— Вы ж так от века живёте, чего теперь глотки друг другу рвать?

— Накатило что-то, — пожал плечами медведь. — Прости, хозяин, за оказию.

— У, морды! Сиди теперь, охраняй этого, — Леший ткнул пальцем в тушку волка. — А то на зайца тоже накатило. Жрёте что попало, а потом лес на ушах стоит.

— А ты?

— А меня зовёт кто-то.

Кто-то действительно звал. Леший слышал далёкий болезненный стон. Страдальцем оказалась лиса. Она валялась без сил метрах в двадцати от места стычки в лесной подстилке и столала.

— Ты чего, Патрикевна? Зайцы подрали?

— Нет, — лиса слабо шевельнулась. — Горю я, хозяин.

Леший подошёл ближе, осмотрел зверя, понюхал воздух.

— Нет, не горишь. Ран вроде нет. Простудилась?

— Если бы. Изнутри жрёт-пожрёт меня огонь злой.

— Ела чего?

— Всё как обычно, — вяло отмахнулась хвостом лиса. — Ну, может, колобков ещё.

— Кого?

— Колобков. Круглый хлеб такой. Хитрющие гады. Песни

поют, а в рот не даются. Ну да я хитрее.

— И сколько ты их съела?

— Три, — созналась лиса и вдруг застонала. — Уйди, уйди, проклятый!

— Ты чего, кума? — удивился Леший.

— Да? Чего ты? Хочешь, песенку спою? — пискляво спросил кто-то третий.

Леший опустил глаза, у его ноги примостился грязный хлебный колобок с кулак размером.

— Ну спой, — разрешил хозяин леса.

— Я колобок, колобок,

По амбару метён,

По сусекам скребён,

На сметане мешён,

В печку сажён,

На окошке стужён.

Я от дедушки ушёл,

Я от бабушки ушёл,

Заяц меня пнул,

Волк меня куснул,

Медведь меня царапал,

И тебе, лешак, меня не сцапать.

Леший хмыкнул. Мгновенно сцапал наглый хлеб и тщательно обнюхал. Колобок пах грибами, получается, дело дрянь.

— Веди к бабушке с дедушкой, — приказал Леший.

— А ты меня есть не будешь, что ли? — удивился колобок.

— А я праноед, энергией солнца питаюсь, — отрезал Леший, бросил хлеб на землю и приказал: — Веди.

Ещё за десяток метров от избы послышались ругань и

гулкие удары. Леший надбавил шагу и без раздумий ворвался в сени. На лавке сбоку взвизгнула и начала креститься старуха. Кроме неё, в сенях не было никого. Дверь в горницу была заперта на засов и забаррикадирована столом с сепаратором. Периодически её сотрясали сильные удары, а из горницы слышалась отборная брань.

— Тихо! — скомандовал Леший. — Твоя работа? — он указал бабке на колобок.

— Моя, — созналась бабка. — Старый дурак мой заладил: испеки да испеки. А я что? Мы ж с ним тридцать лет и три года вместе. Жалко, плохой совсем стал уже.

Леший с сомнением покосился на вздрагивающую дверь. Сил у плохого совсем старика было презрительно.

— Дальше что?

— А что дальше, батюшка? — старуха ещё раз перекрестилась. — Пошла скрести-мести, набрала по сусекам муки да испекла колобок. Только пока он на окне остывал, попятили его. Старый мой в тоску впал. Пуще прежнего жалко стало его, ну и пошла я до соседей. У кого горсть муки выпросила, у кого полгорсти. А тут барские дети услышали, с окраины барского поля насобирали, да и одарили меня, старую, цельным фунтом зерна.

— А зерно-то рогатое было...

— Ну не всё же, — возмутилась бабка. — Часть-то десятая — чистое золото. Перемолола я на

ручной мельнице его, да и напекла колобков. Много напекла — восемь штук аж! Стали студить да приглядывать, чтобы вдругорядь их не попятчили. И всё ж не углядели. Три токмо осталось. Но старьёй мой и тому рад, слопал всё зараз. А теперь ить взбесился, — бабка сокрушённо вздохнула, а потом вдруг закричала зло в дверь горницы: — Цыть, дурень старьёй! По твою душу вона чёрт лесной пожаловал.

Старик ответил новым потоком брани и стал ломиться в дверь энергичнее. Леший хмыкнул. Прихлопнул ногой колобка. Одной рукой смахнул бабкины баррикады, другой подхватил вывалившегося в сени деда. Дунул ему в лицо, и сморил старика сон.

— Так, старая, дурня своего два дня не трожь. Как проспится, полегчает ему. К рассвету натащит вам зверьё зерна по

сусекам да амбарам. Но ежели ещё раз вздумаете мне в лес колобков, спорыньёй травленных, выпускать, я вас кабанам скормлю, избу по брёвнам раскатаю, и будут тут сосны расти.

Побледнела старуха. Перекрестилась. И закивала меленько, гостя страшного умасливая да словами добрыми называя. Плюнул Леший и во владения свои убрался.

Созвал на поляне всё зверьё от мала до велика и суровый наказ дал: более колобков не есть. Мышам лесным и белкам велел зерна старикам натащить на зиму. А зверей хворых да в ярость впавших велел водой целебной отпаивать. Справив дела, ушёл в гущу леса. Взбил подстилку лесную поудобнее и спать наладился. Только рывкнул напоследок:

— Кто разбудит, тому рога пообломаю!